

## ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И КРИЗИС ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА ЧУДА, ТАЙНЫ И АВТОРИТЕТОВ

---

**ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ МАРТЬЯНОВ,**

*Институт философии и права УрО РАН,  
г. Екатеринбург, Россия,  
email: martianovu@yandex.ru;*

**ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ РУДЕНКО,**

*Институт философии и права УрО РАН,  
г. Екатеринбург, Россия,  
email: rudenkoun@yandex.ru;*

**ЛЕОНИД ГЕРШЕВИЧ ФИШМАН,**

*Институт философии и права УрО РАН,  
г. Екатеринбург, Россия,  
email: lfishman@yandex.ru*

---

**Цитирование:** Мартьянов В.С., Руденко В.Н., Фишман Л.Г. (2022). Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов. *Journal of Institutional Studies* 14(2): 47–58. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.2.047-058

*В статье анализируются причины важного эффекта пандемии COVID-19, ставшей катализатором давно назревшего падения авторитета экспертного знания. Утверждается мысль, что результатом широкого доступа граждан к информации и научным данным является крушение универсальных и монопольных экспертно-научных иерархий знания большого общества, контролируемых государством. Научные эксперты, выступавшие как исторические наследники священников, жрецов и шаманов, утратили привилегированный доступ к сакральному знанию, ставшему всеобщим достоянием благодаря СМИ и Интернету. В результате была сильно поколеблена ключевая функция экспертизы – легитимация политического порядка и властных элит. Эксперты без статуса агентов государства стали неотличимы от обычных граждан. На примере дискуссий ваксеров и антиваксеров делается вывод, что обе стороны способны выдвинуть убедительные научные аргументы, риторически не позволяющие власти свести дискуссию об эффективности прививок к вовсе неочевидному спору просвещенных государственных экспертов и необразованных мракобесов. Отмечается, что именно в наиболее развитых западных государствах наблюдается сильное гражданское диссидентское движение, не доверяющее, либо ставящее под сомнение дисциплинарные режимы коллективного сосуществования, легитимированные патерналистской риторикой заботы политических элит. Соответственно элиты в фоновой ситуации усиления практик гетерархии, постправды и постмодернизма уже не могут опереться на привычные метанарративы Просвещения, позволявшие им монополизировать дискурс науки во имя прогресса и безусловного блага, выстраивая удобные для своих приоритетов иерархии знания-власти. Поскольку наука, знания и информация давно стали всеобщим достоянием, грань между элитами, экспертами и гражданами в сфере доступа к*

науке стерлась почти до неразличимости. Актуальная политическая проблема состоит в том, что ситуация столкновения разных парадигм, мнений и данных является как раз нормальным состоянием науки, которое теперь переносится в область публичных общественных дискуссий по итогам окончательной секуляризации науки. Таким образом, институт экспертного знания превращается в лишнее звено в ситуации равного доступа всех заинтересованных сторон к научным данным, в институт, который вряд ли сможет в обозримой перспективе эффективно выполнять функции научной легитимации общественно значимых решений.

**Ключевые слова:** COVID-19; коронавирус; пандемия; экспертиза; экспертное знание; постправда; постмодерн; авторитет; легитимация; патернализм.

**Благодарность:** Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

---

## **CORONAVIRUS PANDEMIC AND EXPERT KNOWLEDGE CRISIS: RELOAD OF MIRACLE, MYSTERY AND AUTHORITY**

---

**VICTOR S. MARTIANOV,**

*Institute of Philosophy and Law  
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Ekaterinburg, Russia,  
email: martianovu@yandex.ru;*

**VICTOR N. RUDENKO,**

*Institute of Philosophy and Law  
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Ekaterinburg, Russia,  
email: rudenkoun@yandex.ru;*

**LEONID G. FISHMAN,**

*Institute of Philosophy and Law  
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Ekaterinburg, Russia,  
email: lfishman@yandex.ru*

---

**Citation:** Martianov V.S., Rudenko V.N., Fishman L.G. (2022). Coronavirus pandemic and expert knowledge crisis: Reload of miracle, mystery and authority. *Journal of Institutional Studies* 14(1): 47–58 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.1.047-058

*The article analyzes the reasons for the important effect of the COVID-19 pandemic, which has become the catalyst for long-overdue decline in the authority of expert knowledge. The author claims that widespread access to information and scientific data results in the collapse of universal and monopolistic expert-scientific hierarchies of knowledge of a large society, controlled by the state. Scientific experts, who acted as the historical heirs of priests and shamans, have lost their privileged access to sacred knowledge, made public by the media and the Internet. This resulted in severe damage to the key function of expertise – legitimization of the political order and power elites. Experts without the status of agents of the state have become indistinguishable from ordinary citizens. The example of discussions between Waxers and Anti-Waxers shows that both sides are able to put forward convincing scientific arguments that rhetorically do not allow the authorities*

to bring the discussion about the effectiveness of vaccinations down to a completely unobvious dispute between enlightened state experts and uneducated obscurantists. It is in the most developed Western states where one can see a strong civil dissident movement that distrusts or calls into question the disciplinary regimes of collective coexistence, legitimized by the paternalistic rhetoric of concern from political elites. Accordingly, the elites in the background situation of strengthening the practices of heterarchy, post-truth and postmodernism can no longer rely on the usual metanarratives of the Enlightenment, which allowed them to monopolize the discourse of science in the name of progress and unconditional good, building hierarchies of knowledge-power convenient for their priorities. Since science, knowledge and information have long become public domain, the line between elites, experts and citizens in the field of access to science has become almost indistinguishable. The actual political problem is that the situation of collision of different paradigms, opinions and data is exactly the normal state of science, which is now transferred to the field of public discussions following the final secularization of science. Thus, the institution of expert knowledge turns into an unnecessary link in a situation of equal access of all interested parties to scientific data; to an institution that hardly would efficiently perform the functions of scientific legitimation of socially significant decisions in the foreseeable future.

**Keywords:** COVID-19; coronavirus; pandemic; expertise; expert knowledge; post-truth; postmodern; authority; legitimation; paternalism.

**JEL:** I18

### Введение

Современные общества в связи с пандемией коронавируса переживают ряд трансформаций. Пандемия, возможно, не так сильно, как могло показаться вначале, изменит наш быт. Однако уже есть основания утверждать, что она становится триггером *изменения формата взаимоотношений между опирающейся на авторитет экспертного знания властью и обществом*. Она приведет если не к радикальному перевороту в этой области, то к существенному сдвигу, причины которого, однако, коренятся в предшествующем развитии.

Сдвиг во взаимоотношениях между опирающейся на экспертное знание властью и обществом наиболее показательно проявился в распространении феномена антивакцинаторства и разного рода ковид-диссидентства, которые не являются совершенно новыми, но достигли беспрецедентных масштабов – прежде всего в России.

Это стало одной из причин того, что к маю 2022 года лишь две трети или 63,5% взрослых россиян сделали обе прививки, что довольно далеко от крупных стран-лидеров, в которых в то же время привито свыше 80%, например, Франция (80,5%), Бразилия (85,6%) или Китай (91,2%) (Статистика..., 2022). Несмотря на то, что в абсолютных числах количество вакцинировавшихся растет, даже спустя полтора года с начала пандемии (ноябрь 2021 г.) около трети (32%) опрошенных россиян продолжали отрицательно относиться к массовой вакцинации (Вакцинация от коронавируса..., 2021). Произошло ли это потому, что, как неожиданно выяснилось, население России оказалось ужасно *дремучим*? Но не является ли данный подход упрощением, которое скорее не объясняет, а затемняет суть дела? Сторонникам взгляда на ковид-диссидентство как *мракобесие* стоило бы задуматься над тем, что как раз в относительно отсталых странах обнаруживается очень высокая готовность вакцинироваться – около 80%. В то же время, по разным причинам, в России и США, странам с более высоким уровнем образованности населения, желающих вакцинироваться ощутимо меньше (Solís Arce, Warren, Meriggi, 2021).

Иными словами, если мы в 2021 году столкнулись с *мракобесием*, то совершенно особого вида, в значительной степени возникающим как *горе от ума*. Гораздо более резонно вести речь о ситуации глобального распространения сугубо современного феномена *постправды*, значение которого вновь подняла и обострила пандемия коронавируса. В этом феномене обычно, отталкиваясь от противопоставления истинного экспертного знания разного рода неистинному мнению, выделяют следующие компоненты. Во-первых, к нему относят всякого рода *сознательно* ложную информацию (disinformation), фейковые новости, используемые для

достижения определенных, как правило – политических, целей. Во-вторых, это *бессознательное*, не инспирированное специально некими корыстными агентами влияния, преобладание подкрепленных эмоционально, но не рационально, мнений, не совпадающих с экспертным знанием (misinformation). Однако постправда сама является эпифеноменом ряда гораздо более глубоких процессов, характеризующих, в первую очередь, изменение отношения рядовых граждан к авторитетности экспертного знания, особенно когда оно служит обоснования принимаемых властями решений.

### **Историко-политические предпосылки ситуации постправды в современных обществах**

Мы живем в глобальное время перемен, когда привычные социальные регуляторы и модели (демократия, рынок, выборы, солидарность нации, способность человека к труду как универсальный ресурс и т.д.), все в меньшей степени оправдывают возлагавшиеся на них ожидания. Рост всех видов неравенства разрушает привычный консенсус и приемлемость для большинства граждан актуальных социальных иерархий и практик, которые ухудшают их ресурсные позиции либо делают последние все более ненадежными, что выражается в росте прекариата.

Разрушающееся общество классово-индустриального Модерна имело общие высшие ценности и эффективные способы их достижения (рынок, демократия, социальные лифты, социальное государство, бесплатное образование и т.д.), которые обеспечивали высокую степень эгалитарности. Социальная дистанция между массами и верхами, конечно, не исчезала, но современные элиты перестали иметь какие-либо исключительные преимущества перед обычными гражданами, связанные с ресурсами (власть, богатство, образование и т.д.), которые они могли бы монополизировать и передавать исключительно по наследству. Однако привычная модель эффективного симбиоза рынка и государства, перераспределяющего ресурсы в пользу бедных под политическим давлением большинства, более не может сохраняться в привычном виде.

Растущий дефицит ресурсов инициирует пересмотр сложившейся стратификации общества и привычных ранее критериев распределения ресурсов. На фоне упадка универсальных ценностей Модерна и социальной значимости стоявших за ними *людей труда* усиливается инструментальная эффективность малых социальных групп и способов политической легитимации их корпоративных, сословных, локальных коллективных интересов в логике преимуществ и привилегий (Мартьянов, 2016). Последние обосновываются как право на компенсацию за риски, страдания и травмы, что отражается в политических и моральных дискурсах последних десятилетий: *рентно-сословном* дискурсе, интересекционализме (Фишман, 2020), дискурсе *жертвы* (Фишман, 2018), дискурсе *социокультурной травмы* (Тощенко, 2020) и т.д. Осуществляются попытки пересборки общества вокруг новых принципов, идей, иерархий и нарративов (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019). Как правило, эти новые принципы предельно прагматичны и локальны, что приводит к конфликту множества социальных групп, пытающихся изменить свое место в социальной иерархии и расширить доступ к преимуществам. Эти ресурсные логики имеют ситуативный, взаимоисключающий и конфликтный характер. Они пытаются отсылать к здравому смыслу, историческому опыту, самоочевидности и другим паллиативам универсальных ценностей, но на поверку, как правило, оказываются инструментальными способами усилить статусный вес и политическую значимость определенной социальной группы в обществе относительно других групп. В настоящее время перехода от старых к новым иерархиям можно наблюдать эффективность инструментальных политических этик и принципов коллективного действия, ориентированных на своего рода *капитализацию* центробежных тенденций в позднемодерных обществах. Это стратегии передела и их оправдания, направленные на повышательную переоценку полезности и значимости отдельных социальных групп и их представителей по принципу исключительности. Здесь целью не является пересмотр правил в основе общественных иерархий в целом, но лишь изменение положения отдельных групп в этих иерархиях на более выгодное.

Выстраивание чего-то аналогичного прежним, относительно единым, ценностно-институциональным иерархиям общества затруднено сильной идейной волатильностью и противоречивостью информационного поля, в котором пребывают современные люди. Дистанция между элитами, экспертами и гражданами в аспекте доступа к информации становится минимальной: уровни образования сближаются, любые авторитеты и иерархии подвергаются критическому разбору и интерпретациям в зависимости от ситуативных локальных выгод интерпретаторов. Под воздействием разных источников информации позиция людей готова меняться в зависимости от значимого социального контекста, в котором они пребывают в данный момент: семья, рабочий коллектив, социальные сети, публичные пространства и т.д.

Современный человек погружен в большое количество дифференцированных социальных связей и сетей, но большинство из них связано с незнакомцами, активный круг реально знакомых и близких людей не расширяется. Создаются совершенно разные круги доверия, воображаемые миры и способы их информационного контроля. Очевидно, что множественность внешних воображаемых миров (а главное социальное воображаемое – это наше представление о большом обществе/государстве), созданных незнакомцами и чужаками, может базироваться лишь на априорном общественном авторитете и иерархиях. Если последние подвергаются нарастающей публичной критике, например, в социальных сетях, то устойчивое доверие в целевых социальных группах перетекает из публичной в приватную сферу. Именно там оно локализуется на фундаменте межличностного доверия или симуляции такового, создаваемого взаимодействием со *знакомыми незнакомцами* в социальных сетях в группах по интересам.

Современные люди имеют все больше свободного личного времени, которое тратится на впитывание информационного хаоса видеоигр, сериалов и лент бесконечных новостей, рисующих картины воображаемых социальных миров, которые весьма далеки от их реальной повседневной жизни. Новостные повестки СМИ создают искаженные системы кривых зеркал, которые позволяют аргументировать практически любые идеологические позиции относительно любых событий, институтов и ценностей. Уникальность современной ситуации заключается в радикальном расширении возможностей коммуникации между индивидами и группами и расширении для всех доступа к самому разного рода информации, в результате чего огромные массы получают уверенность в своей компетентности по любым вопросам. В этом смысле *восстание масс*, о котором говорил еще Ортега-и-Гассет (2001), в полной мере осуществляется лишь в наше время. Но этот переход количества в качество является следствием именно прогресса, а не упадка, своего рода секуляризации науки, которая произошла вслед за секуляризацией религии. Как замечает по данному поводу В. Иноземцев, «сегодня, на мой взгляд, даже в самых успешных с точки зрения развития технологий обществах не приходится говорить о науке как о новой религии... Причина такого положения вполне понятна: сама современная наука слишком инструментализирована, чтобы даже отдаленно напоминать религиозный культ. В то время как научное знание искореняло религиозные предрассудки, мир казался относительно легко постижимым, а величайшие открытия либо быстро приходили в жизнь миллионов людей (паровая машина, бензиновый двигатель, электричество, радио, современные средства связи и обработки информации), либо символически изменяли облик мира (создание ядерного оружия, старт космической эры), либо казались постижимыми для среднеобразованного человека (теория относительности, принципы строения вещества, основы теории генетики и многое другое). Сегодня же знание стало столь специализированным и глубоким, что элементы универсализма практически полностью исчезли, а это превратило науку из своего рода культовой деятельности в ремесленную (в данной констатации, хочу подчеркнуть особо, нет ничего уничижительного)» (Иноземцев, 2019).

Нынешняя наука действительно слишком инструментализирована, чтобы напоминать единый и могучий религиозный культ прежних времен, но это не мешает ей в массовом сознании отражаться как мозаика точек зрения, в которой каждый может найти себе что-то по своему вкусу и в меру своего понимания. При этом нельзя сказать, что массовое сознание становится совсем чуждым науке, точно так же, как ранее оно не становилось полностью отброшенным

религию. По аналогии с религией, как замечает С. Фуллер, происходит *реформация* прежней веры в науку, становление своего рода *протестантской науки*, разбитой на множество сект. Возникает «постистинностный феномен “кастомизированной науки”, состоящий в нестандартных интерпретациях или применениях научного знания, которые в той или иной мере противоречат авторитету экспертов-ученых. Это естественное ответвление того мира, в котором наука все больше считается чем-то важным для жизни людей, тогда как источники информации о науке более не ограничиваются научной лабораторией и университетской аудиторией. Результатом становится то, что я назвал “протнаукой”, поскольку теперь люди понимают науку по-своему, примерно в том же смысле, в каком в период протестантской Реформации они стали понимать по-своему Библию... этот новый дивный мир протнауки представляет собой наиболее поздний этап секуляризации, на котором наука сама становится мишенью, а не агентом секуляризации» (Фуллер, 2021: 32, 202). Согласно С. Фуллеру, «сегодня от новых вызовов и альтернатив экспертному мнению по практически любой теме нас обычно отделяет лишь несколько нажатий клавиш» (Фуллер, 2021: 149). Как пишет Т. Шелтон, *постправдивое общество* следует рассматривать как логическое следствие «общества, основанного на данных», в котором мы жили в последние годы, где индивидуализированные, деконтекстуализированные сборки данных «служат в качестве фокуса социальной и политической жизни». Когда эти деконтекстуализированные данные выводятся на первый план – утверждает Шелтон, – мы теряем мета-повествование, которое связывает эти данные вместе в понятное целое. В отсутствие такого последовательного повествования о том, что происходит, каждая из этих якобы объективныхборок данных приводит нас к месту, где «надуманные рассказы правых троллей могут противодействовать “истине”, если не вытеснить ее полностью» (Shelton, 2020: 3–4).

Более того, научные дисциплины, особенно науки об обществе, претерпевают аналогичные метаморфозы. Модерный поиск универсальных парадигм, метанарративов и обоснования иерархий знания уступает место более частным и инструментальным задачам – обнаружению отдельных устойчивых взаимосвязей и корреляций разных переменных на базе больших объемов эмпирических и статистических данных вне широких обобщающих контекстов, подобных таблице Менделеева, законам термодинамики или диалектического развития истории. Попытки восстановить такие фундаментальные всеобщие закономерности и базовые координаты все чаще превращаются в заведомо безнадежное дело. Обществоведы все чаще предпочитают стратегии ограничения, дифференциации и узкой специализации проблемных полей своих исследований, позволяющие избегать неудобных вопросов об исходных посылах, ценностных основаниях и более широких парадигмах в контексте которых ведутся исследования.

Ситуация постправды в очень значительной степени была подготовлена предварившими её процессами в философско-идеологической сфере современных обществ. И прежде всего тем, что Постмодерн на самом деле не умер, и не является вчерашним днем, как это могло показаться раньше. Постмодернизм политически характеризуется интенсивной ориентацией на власть как руководящую и структурирующую силу общества, которая созависима от отрицания объективного знания. Компоненты постмодернизма, в первую очередь являющие собой протест против всякого рода центризмов, *овладели массами*, породив, с одной стороны, политический интерсекционализм (тотальное движение против всевозможных пересекающихся форм угнетения и дискриминации в современных обществах) (Pluckrose, Lindsay, 2020), а с другой – дав новую аргументацию теориям заговора и диссидентству разного рода. Как замечают Плакроуз и Линдсей, в сущности, уже Ж. Делез и Ф. Гваттари считали людей *закодированными* в различных системах власти и ограничений и свободными действовать только в рамках капитализма. Эти мыслители утверждали, что сильные мира сего, отчасти целенаправленно, отчасти непреднамеренно, организовали общество к своей пользе и так, чтобы увековечить свою власть. Власть постоянно усиливается посредством дискурсов, узаконенных или санкционированных в обществе. Постмодернизм был «теорией заговора без каких-либо конкретных заговорщиков» (Pluckrose, Lindsay, 2020: 35–36). С тех пор

он из абстрактной философской теории превратился в то, что Плакроуз и Линдсей называют *прикладным постмодернизмом* политических активистов и обычных людей. Разделяемое ими концептуальное представление М. Фуко о том, что научные дискурсы обладают чрезмерной властью в качестве производителей знаний, которые затем увековечиваются на всех уровнях общества, в условиях пандемии становится особенно актуальным – и само собой разумеющимся для разного рода ковид-диссидентов и антивакцинаторов. Таким образом, теории заговора, как и разного рода политический *прикладной постмодернизм*, начали играть роль суррогата научной критической теории в прежнем понимании, являясь аналогом антисемитизма в понимании Бебеля – как «социализма для дураков». От прежних критических теорий они переняли пафос отрицания классово и политически ангажированного экспертного знания, служащего власти, легитимирующего всякое господство, дискриминацию и угнетение. Собственно идеологические разногласия в данном случае отступают на второй план; речь идет о разделяемом вне зависимости от *правизны* или *левизны* образе мышления. Так, например, в Германии движение *корона-скептиков* объединяет представителей «от леволиберальной артистической богемы, объединившейся вокруг журналиста А. Ленца, до правых конспирологов, народных целителей эзотерического толка и представителей региональных бизнес-элит» (Вачедин, 2021).

В конспирологическом массовом сознании, в его отношении к вакцинаторству и науке мы не найдем ничего принципиально нового, что ранее не было бы достоянием сравнительно небольших групп интеллектуалов, гуманитарной и не только интеллигенции, которая после Второй мировой войны стала постепенно разочаровываться в вере в науку, возлагать на рационализм и вообще Разум вину за ужасы войн, репрессии, нацизм и пр. (В связи с этим стоит вспомнить о популярном обвинении *коронабесов* в *фашистских экспериментах*). Однако конспирологическое массовое сознание не привержено диалогичности и релятивизму в вопросах политической и научной истины, а, напротив, во всех своих многочисленных вариантах скорее считает, что обладает истиной. Другое дело, что, в духе *протнауки* истин этих много и они могут противоречить друг другу. Массовая конспирология в вопросах вакцинации почти исключительно негативна: она обрушивается на то, что ей не нравится и вызывает недоверие. Поэтому не так важно, насколько считается истинным *протнаучное* или иное основание, дающее повод для отрицания официальной позиции. Центр тяжести этого мировоззрения находится в самом этом отрицании и недоверии, заставляющем искать для него *протнаучную* аргументацию.

Поэтому ситуация постправды не сводится к неожиданному расцвету мракобесия. Это следствие действительных разногласий в экспертном сообществе и возросшего значения поверхностной эрудиции, обусловленной массовым доступом к разного рода информации. Сторонники альтернативных официальному мнений так же часто опираются на мнения экспертов-профессионалов, имеющих научные степени и звания. В целом в ситуации постправды «легкомысленное обращение к экспертному мнению в виде *post hoc* оправдания любых мнений в обязательном порядке порождает в душах тех, кто в самом деле обладает в данном вопросе техническими либо профессиональными знаниями, настороженное – если не сказать усталое – к нему отношение» (Брауз, 2020: 275). Таким образом, феномен постправды характеризуется релятивизацией экспертного знания в общественном сознании, уравниванием его авторитетности с авторитетностью альтернативных источников суждений по тем или иным вопросам, в результате чего происходит относительное повышение статуса ранее маргинализированных источников альтернативно-экспертного знания. Идеально-типическая ситуация полного торжества постправды заключается в столь радикальной демократизации научного (экспертного) знания, что каждый, опираясь на мнение нравящихся ему экспертов, аргументированно выбирает свою позицию, избегая при этом упрека в маргинальности. В онтологическом плане ситуация постправды соответствует процессам гетерархии как усилению в публичной сфере общества альтернативных источников оценки и легитимации общественно значимых решений и коллективных практик, бросающих вызов государству и элитам во всех сферах своей жизнедеятельности.

### **Возможно ли восстановление прежнего авторитета экспертов и государства?**

Как замечает автор известного исследования «Смерть экспертизы», феномены *эксперт* и *экспертное знание* относятся к тем, которым трудно дать краткое определение, но которые обычно интуитивно узнаются, когда с ними сталкиваются. Тем не менее, *экспертиза* как таковая подразумевает наличие ряда неустраняемых признаков. К ним относится наличие профессионалов, которые не только получили формальное образование в определенных областях, но и достигли в них значительного успеха. Эти люди привержены в своей деятельности определенным, обычно научным, правилам и методам. Но они имеют не только методологическую подготовку и теоретические познания, но и солидный опыт, уменьшающий вероятность ошибок. Наконец, но не в последнюю очередь, они достаточно талантливы, что и позволяет им достигнуть всего, перечисленного выше. Все это дает экспертам степень авторитетности, достаточную для того, чтобы их мнение в определенной области ценилось выше мнения дилетантов (Nichols, 2017: 13–40, 177) Ко всему этому мы должны добавить, что собственно институт экспертизы формируется, когда описанный выше профессиональный авторитет либо находится в прямом союзе (и даже симбиозе) с политической властью, либо опирается также и на подтвержденное ею право считаться монопольными или почти монопольными экспертами в той или иной области.

Феномен экспертизы как частный случай сакрального знания-власти возможен при условии значимой асимметрии социальных статусов эксперта (вождя, шамана, клирика) и его аудитории. В ходе эволюции общества авторитет шаманов, теологов, идеологов и ученых закономерно падает, так как статус большинства граждан относительно доступа к информации/знанию выравнивается, несмотря на удлинение сроков обучения, присуждение ученых степеней, постоянную дифференциацию и специализацию различных областей общественной жизни и знаний о них. Создание специализированных корпораций (медики, юристы, обществоведы, физики и т.д.), призванных дифференцировать бытовое и профессиональное знание о разных предметах, уже не воссоздает былого эффекта сакральности экспертных мнений. Трансляция экспертного знания все чаще осуществляется в условиях равенства разных, в том числе взаимоисключающих позиций, каждая из которых опирается на те или иные коллективные интересы, которые все чаще автономны от былых всеобщих иерархий приоритетов, статусов и целей. В публичном поле все сложнее различить контуры признаваемой всеми объективной реальности, которая, возможно, утеряна навсегда в силу беспрецедентного выхода общественного бытия за рамки повседневности, характерной для традиционных обществ и соразмерной неизменным и локальным мирам отдельных людей, в которых отсутствует идея истории: близкого круга их общения, природно-циклического образа жизни, целей и ценностей, остающихся безальтернативными и неизменными на протяжении всей их жизни. В условиях утраты или затяжного поиска новых высших ценностей становится практически невозможно поддержать неизменные иерархии, которые консолидируют общество или большинство вокруг общепринятых авторитетов, истин, символов и мнений. В частности пандемия COVID-19 выявила всю глубину реальных расколов в современных обществах практически по всем проблемам совместного существования людей и должных принципов их решения (обязательная или добровольная вакцинация, поддержка бизнеса, режимы занятости населения, право на БОД, денежно-кредитная политика, права и привилегии отдельных социальных групп и т.д.). Возможности возвращения политического авторитета экспертного знания тесно связаны с новыми механизмами и алгоритмами веберовского *заколдовывания социального*. Представляется, что новые таинства и священные голоса экспертов могут быть связаны в будущем с довольно необычными принципами и критериями, которые могут оказаться не связаны с наукой и прогрессом. Восстановление универсальных иерархий знания-власти тесно связано не только с дисциплинарным контролем и герметизацией информационной повестки общества (что влечет обвинения в нарушении гражданских свобод и тоталитаризме), но и может быть обращено к социальным технологиям и феноменам, которые представляется как архаичные. В частности, российские элиты обращаются в поисках священного к авторитету РПЦ; героическим событиям прошлого, например, ВОВ; противодействию глобальному злу в виде США; авторитету науки и т.д. Все эти попытки доступа к сакральному относительно неэффективны,

так как духовный авторитет РПЦ в российском обществе не растет; символическое присвоение советской истории российскими элитами неубедительно в контексте отрицания ею высших советских ценностей; противодействие США осуществляется лишь риторически, но противоречит господству доллара в виде привилегированной валюты накоплений и расчетов; авторитет науки подрывается действиями власти по снижению ценности труда и социального статуса ученых и преподавателей ВУЗов и т.д.

Этому не следует удивляться, поскольку наблюдаемой информационной структуре предшествовал довольно длительный период, воздействие которого на любые источники сакрального и научного авторитета трудно переоценить. В идейном плане 2000–2010-е годы являли собой картину всевозможных компромиссов и самообмана, которые позволяли все большей части населения комфортно замыкаться в параллельных мирах со своими истинами. Получалось так, что Россия одновременно вернулась на магистральный путь цивилизации, провалила великую советскую миссию и почти утратила свою национально-культурную идентичность. Она стала жертвой величайшей геополитической трагедии, горечь которой, впрочем, умерялась тем, что зато потерпела крушение ложная идея коммунизма. Это не мешало описывать современную Россию одновременно как наследницу СССР и параллельную *исторической России* с их разными, но в основе будто бы одинаковыми *национальными интересами*. Страна победившей жажды наживы, нравственного и культурного вырождения, торжествующего мещанства с другой стороны представляла последним оплотом европейских ценностей и культуры. Что не мешало ей оставаться также и образчиком чуть ли не азиатской дикости, лицемерно выдаваемой за *традиционные ценности*, а также примером все более авторитарного правления при широких бытовых свободах. В России 2000–2010-х годы многие могли уверить себя, что в обозримом будущем страна встанет на желанный монархический, социалистический, либерально-демократический путь. А если до сих пор не встала – то потому что таков очередной «хитрый план Путина». В течение последних десятилетий характерными стали релятивистско-прагматические установки, касающиеся вопросов истории (например, Второй мировой войны, тоталитарных режимов), международной политики, культуры. До определенных пор не считалось чем-то плохим состояние, в котором «у всех своя правда», которая выбирается в зависимости от групповых предпочтений и текущих потребностей. *Равноспасительная* легитимность противоречащих друг другу моральных оценок, правовых стандартов, идеологических суждений стали нормой нашей общественной жизни. В это же время возобладало прагматическое отношение к научной истине в вопросах истории, согласно которому последняя важна лишь в той степени, в которой она выполняет задачу формирования «правильного исторического сознания» (Мединский, 2011: 43). Также и в далеких от политики сферах любой мог найти удовлетворяющую его картину мира и увлечения по вкусу: от научных теорий, не совпадающих с официальными, до откровенной эзотерики.

Постсоветский период стал для России эпохой становления *ситуации постправды*, в которой совместными усилиями власти и общества статус главных источников авторитетного и сакрального был очень существенно понижен. Поэтому стремление власти апеллировать к научным, идеологическим, религиозным источникам экспертного знания и авторитетам наталкивается на существенные ограничения, связанные не в последнюю очередь с низкой степенью доверия населения ко власти. Как отмечает социолог А. Левинсон, «о том, что политика для властей важнее общественного здоровья, во весь голос заговорили, когда строгие ограничения враз были сняты, чтобы провести голосование по поправкам в Конституцию. А зачем и кому были нужны эти поправки, публике было ясно. И когда тот или те, кому они были нужны, с отеческой интонацией стали призывать к вакцинации, к соблюдению социальной дистанции, желающих следовать их призывам оказалось немного. Так народ ответил на нарушение политической этики... В ситуации бедствия можно было бы ожидать сплочения народа вокруг власти, властителя, властей. И оные, этого ожидая, стали вести себя на публике (т.е. на экране) так, будто в самом деле стали отцами родными, строгими, но добрыми. Индикаторы, которые показывают дистанцию до власти (рейтинги доверия, одобрения и пр.), должны были бы отметить подъем ответных чувств благодарности или хотя бы умиления. Но они если и двигались, то вниз. Не только готовность сознательно следовать советам и указаниям

(порой вполне рациональным) оказалась ниже ожидаемой, но и готовность, не рефлексируя, воспринимать пропаганду и социальную рекламу оказалась сниженной» (Левинсон, 2021).

Борьба с ложными, по мнению экспертов и власти, мнениями и заблуждениями требует своего рода *идеологических прививок*, но их эффективность напрямую зависит от степени авторитетности тех, кто пытается их осуществлять (Compton, Linden, Cook, Basol, 2021). В отечественном контексте это означает, что использование в качестве источника *прививки* правительственных организаций, ангажированных медиков, общественных деятелей имеет ограниченную, сомнительную эффективность ввиду того, что эти инстанции неоднократно были замечены в насаждении картины некоей альтернативной реальности, в которой причудливо смешиваются откровенная ложь, дезинформация, пропаганда, продвижение всеми способами своих версий чего бы то ни было в противовес враждебным западным и т.д. (Zafesova, 2020: 107–119). Проблема генерации источников сакрального экспертного знания, таким образом, в значительной мере упирается в амбивалентные и противоречивые практики властных элит. Новые источники сакрального знания могут проистекать лишь из новых высших ценностей, консолидирующих большое общество. Но последние так и не возникли в постсоветский период, упираясь в симуляцию и приватизацию высших достижений прошлого, которые в силу разных причин противоречат актуальному политическому порядку, а потому не могут быть его ценностными основаниями.

### Заключение

Значение пандемии заключается в том, что она сделала явным для масс ранее очевидное преимущественно для научного сообщества: что однозначных истин в науке не так и много, возможны разные, но аргументированные точки зрения, что победа некоторых из них зачастую зависит от действий власти, но даже и тогда она есть не более чем условность, которая может быть со временем пересмотрена. Обновление и коррекция общественных приоритетов в ситуации пандемии обнаружило всю ситуативность, переменчивость и ненадежность политико-экономических решений, предлагаемых обществу элитами, и легитимируемых отсылками к экспертному знанию. При этом экспертный лагерь оказался пронизан спорами и дискуссиями, которые являются нормой для научных исследований, но плохо вписываются в иерархические стандарты политической регуляции, призванной генерировать доверие к государству и недвусмысленно подтверждать авторитет политических элит в чрезвычайных ситуациях.

Подход к антивакцинаторству и ковид-диссидентству как *мракобесию* все более выглядит следствием распространённого в определенных кругах квазипросвещенческого высокомерия, в основании которого лежит смесь гуманитарного невежества и карикатурного естественнонаучного сциентизма. Все это довольно характерно для неолиберальных и либертарианских кругов с их презрением к патерналистски настроенным, *темным и необразованным массам*. С этой точки зрения, если бы ковида не существовало, то его стоило бы придумать – ради окончательной дискредитации такого рода политически ангажированного экспертного знания. Вирус, от которого, по-видимому, нельзя изобрести полностью решающую проблему вакцину, может оказаться хорошим средством для приведения в чувство людей, уже было обрадовавшихся очередному поводу ощутить свое превосходство над неожиданно оказавшимися не совсем неправыми *мракобесами*.

Но гораздо важнее другое. Дискуссии о вакцинации, между ваксерами и антиваксерами как в России, так и за рубежом являются симптомом определенного состояния публичной сферы, поводом для политического высказывания о доверии/недоверии, лояльности/нелояльности властным элитам и государству. В своем большинстве граждане обычно склонны к доверию доминирующему политическому порядку и его опорным смысловым контекстам. В частности, неизменная идеологическая позиция относительно вакцинации присуща меньшинству, в то время как большинство остается лояльным к позиции власти, которая вырастает из контекста здравого смысла, научных фактов, мнений экспертов. Однако в условиях трансформации привычных универсальных иерархий знания-власти эти контексты могут диаметрально меняться буквально в течение одного дня, в зависимости от нахождения индивида в разных информационных и коммуникативных средах. В подобной ситуации идеологическая определенность и прозрачность работает на отсеивание избирателей, потребителей, сторонников, в то время как популизм становится незаменимой

стратегией властных элит, нацеленной на удержание лояльности множества социальных групп с несовпадающими предпочтениями и интересами. Поскольку же властные элиты заинтересованы в прагматичном расширении лояльного большинства, регулятивная позиция правительств грешит противоречиями, неясностью и избеганием ответственности за непопулярные меры.

В этой ситуации дискуссии о вакцинации становятся способом привлечения внимания к себе и своим жизненным проблемам в привычном для российского общества дискурсе жалоб и *челобитных* (Бессонова, 2019). В частности, в России, запрет на прямое политическое высказывание против власти облачается в форму критики в области еще возможного – мер и способов противодействия пандемии, которая находится в центре информационной повестки последние полтора года. Чувствительность политического режима именно к этой тематике гарантирует привлечение внимания к нелояльному субъекту высказывания (антиваксеру) без жестких санкций в его отношении, поскольку вакцинация так и не стала обязательной, что и определяет саму возможность публичных дискуссий о ней. Однако зачастую жалобы антиваксеров являются лишь поводом и катализатором для развернутых политических высказываний совсем по другой тематике. И если все актуальные словесные противоречия и политические споры Средневековья выражались в религиозном дискурсе, а классовые дискуссии Нового времени облекались в язык современных идеологий, то состояние публичной сферы периода пандемии covid-19 *способствует наибольшей эффективности публичных высказываний, оформленных в дискурсе заботы о себе и своем здоровье*. Поэтому затянувшееся сужение политических дискуссий до споров ваксеров и антиваксеров не является свидетельством недостатка образования, эрудиции или осведомленности одной из сторон, но скорее доказательством практической эффективности и высокой общественной ценности подобной тематики для отстаивания своих интересов. Очевидно, что ситуация спора антиваксеров и лоялистов не может продолжаться слишком долго и в скором времени откочует из центра публичной повестки на ее периферию, будучи замещена другими темами. При этом значение дискурса заботы о себе и своем здоровье для отстаивания значимых для больших социальных групп интересов с не меньшей очевидностью вырастет, из чего могут вытекать уже однозначно благоприятные следствия. Возможно, для многих отказ от прививки сыграет роль давно ожидаемой прививки от патернализма, которую, с определенной точки зрения, неплохо бы поставить большинству российских граждан. В конце концов, не вырастают ли в том числе и из *мракобесия* (точней, того, что представляется таковым постфактум) реальные практики свободы и демократии?

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бессонова О.Э. (2019). Гражданские жалобы как демократический механизм обратной связи. *Социологические исследования* (1): 63–74. [Bessonova, O.E. (2019). Civil Complaints as a Democratic Feedback Formism. *Sociological studies* (1): 63–74. (in Russian).]
- Брауз С. (2020). Между правдой, искренностью и сатирой: политика постправды и риторика аутентичности //Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер: [пер. с англ. В.М. Липки; вступит. ст. А.В. Павлова]. М.: РИПОЛ классик. [Browse, S. (2020). Between Truth, Sincerity and Satire: Post-Truth Politics and the Rhetoric of Authenticity. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* / R. van den Acker: [trans. from English V.M. Lipki; will enter. Art. A.V. Pavlova]. M.: RIPOL classic. (in Russian).]
- Вакцинация от коронавируса: отношение россиян (2021). ВЦИОМ (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan?ysclid=l3d0c1ztue> – Дата обращения 16.05.2022) [Vaccination against coronavirus: the attitude of Russians (2021). VTSIOM (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan?ysclid=l3d0c1ztue> – Access Date: 16.05.2022) (in Russian).]
- Вачедин Д. (2021). В Германии ковид-диссиденты проводят митинги, дерутся с полицией и участвуют в выборах. «Медуза» выяснила, как устроено их движение – и почему в нем очень любят русскоязычных (<https://meduza.io/feature/2021/08/19/v-germanii-kovid-dissidenty-provodyat-mitingi-derutsya-s-politsiey-i-uchastvuyut-v-vyborah-meduza-vyyasnila-kak-ustroeno-ih-dvizhenie-i-pochemu-v-nem-ochen-lyubyat-russkoyazychnyh>– Дата обращения 27.09.2021) [Vachedin, D.

- (2021). In Germany, Covid dissidents hold rallies, fight the police and participate in elections. Meduza found out how their movement works - and why Russian speakers are very fond of it (<https://meduza.io/feature/2021/08/19/v-germanii-kovid-dissidenty-provodyat-mitingi-derutsya-s-politsiey-i-uchastvuyut-v-vyborah-meduza-vyuasnila-kak-ustroeno-ih-dvizhenie-i-pochemu-v-nem-ochen-lyubyat-russkoazychnyh> – Access Date: 09.27.2021) (in Russian).]
- Иноземцев В. (2019). Конец эпохи. Что идет на смену противостоянию науки и религии в обществе XXI века (<https://snob.ru/entry/184764/>–Дата обращения 27.09.2021) [Inozemtsev V. (2019). End of an era. What is replacing the confrontation between science and religion in society of the XXI century (<https://snob.ru/entry/184764> – Access Date: 09.27.2021) (in Russian).]
- Левинсон А. (2021). Власть и народ – на социальной дистанции- (<https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/01/vlast-i-narod-na-sotsialnoi-distantsii>–Дата обращения: 27.09.2021) [Levinson A. (2021). Power and people – at a social distance- (<https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/01/vlast-i-narod-na-sotsialnoi-distantsii> – Access Date: 09.27.2021) (in Russian).]
- Мартьянов В.С. (2016). Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? *Социологические исследования* (10): 139–148. [Martyanov V.S. (2016). Social stratification of modern societies: from economic classes to rental groups? *Sociological studies* (10): 139–148. (in Russian).]
- Мединский В.Р. (2011). Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. Специальность – 07.00.02 – Отечественная история. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва. [Medinsky, V.R. (2011). Problems of objectivity in the coverage of Russian history in the second half of the XV–XVII centuries. Specialty – 07.00.02 – National History. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow. (in Russian).]
- Ортега-и-Гассет Х. (2001). Восстание масс. М.: АСТ. [Ortega y Gasset, H. (2001) *The Revolt of the Masses*. Moscow: AST. (in Russian).]
- Статистика вакцинации от коронавируса (2022). (<https://gogov.ru/articles/covid-v-stats> –Дата обращения 18.05.2022) [Coronavirus vaccination statistics (2022). (<https://gogov.ru/articles/covid-v-stats> – Access Date: 18.05.2022) (in Russian).]
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир. [Toshchenko, Z.T. (2020). *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (The Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves Mir. (in Russian).]
- Фишман Л.Г. (2018). Жертва и рента. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* (44): 94–102. [(in Russian).]
- Фишман Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. (2019). Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая школа экономики. [(in Russian).]
- Фишман Л.Г. (2020). Посткапитализм и последняя (анти)утопия нашего времени. *Полития* (2): 40–53. [Fishman L.G. (2020). Post-capitalism and last (dys)topia of our time. *Polity* (2): 40–53. (in Russian).]
- Фуллер С. (2021). Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Fuller, S. (2021). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics. (in Russian).]
- Compton, J, van der Linden, S, Cook, J, Basol, M. (2021). Inoculation theory in the post-truth era: Extant findings and new frontiers for contested science, misinformation, and conspiracy theories. *Soc Personal Psychol Compass*. 2021;15:e12602. (<https://doi.org/10.1111/spc3.12602> – Access Date: 27.09.2021)
- Nichols, T. (2017). *The Death of Expertise*. New York: Oxford University Press.
- Pluckrose, H., Lindsay, J. (2020). *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.
- Solis Arce, J.S., Warren, S.S., Meriggi, N.F. et al. (2021). COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries // *Nat Med*. (<https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y> – Access Date: 27.09.2021)
- Shelton, T. (2020). A post-truth pandemic? *Big Data & Society*. July–December.
- Zafesova, A. (2020). The production of a faked reality as an existential function of Putin’s regime. *Democracy and Fake News: Information Manipulation and Post-Truth Politics*. London: Routledge.